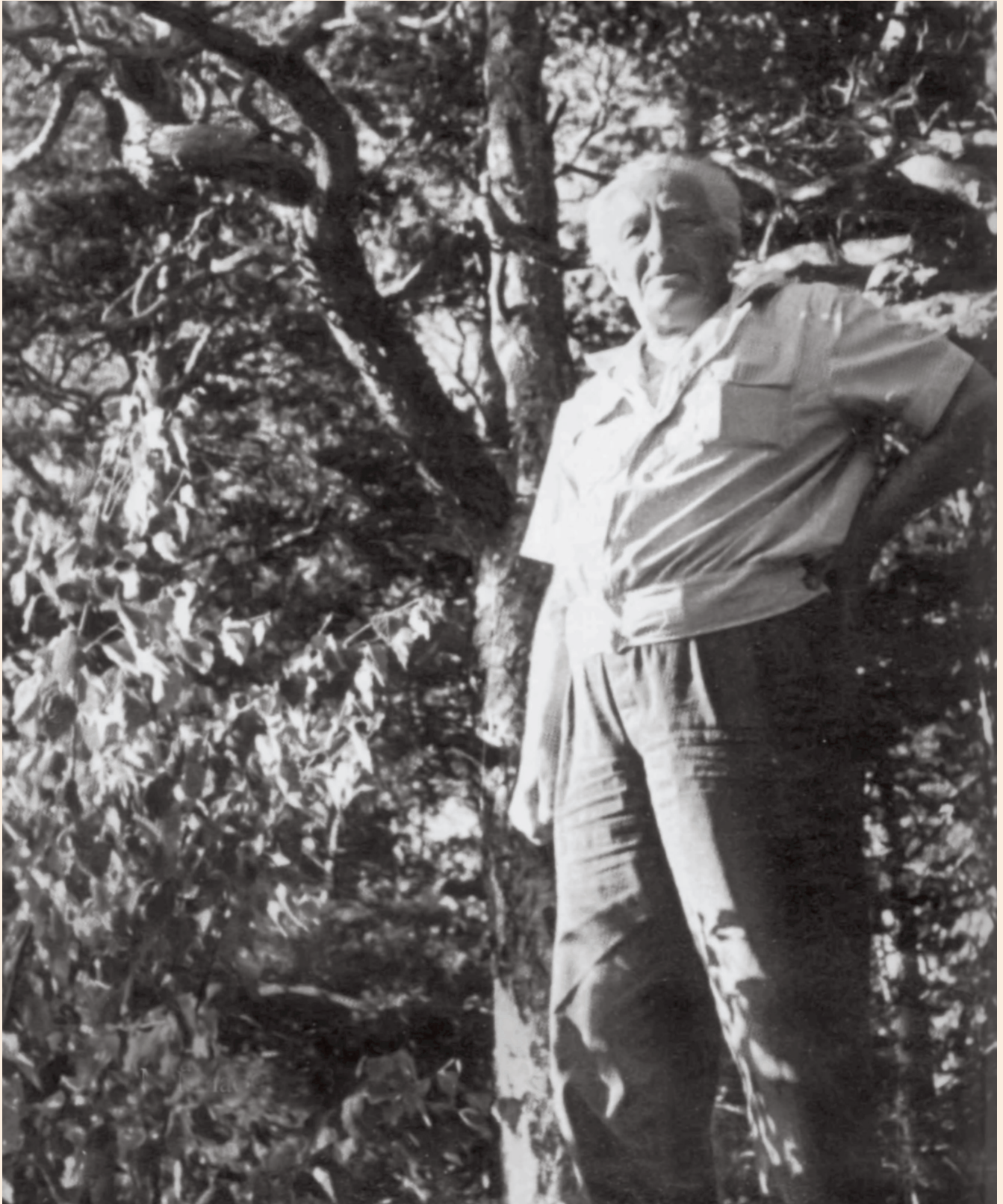


ИСТОРИЯ НАУКИ



* Продолжение.
Начало – 2006. № 3 (17).

ВОСПОМИНАНИЯ*

ХII. Первые берлинские события

...А сейчас я начну рассказывать вам о том, чем занимался и как жил за границей, где пробыл весьма долго (20 годов!) и побывал в самых разных странах (так, в Европе не был только в Португалии, но во всех прочих странах, включая и микро-страны, был).

Итак, с 23 года в Москву время от времени наезжал Оскар Фогт, знаменитый невропатолог, невролог и мозговик, создавший учение об архитектонике полушарий большого мозга: он принимал участие в лечении Ленина.

Потом, после смерти Ленина, возник вопрос об изучении его мозга, для чего в Москве было решено мозговой институт специальный устроить, который, наверное, мог бы всевозможными проблемами изучения мозга заниматься, но в основном там должен был храниться, препарироваться и изучаться мозг Ленина.

И вот для этого в 25-ом Фогт снова приехал.

Он вообще-то такой левонастроенный очень был гражданин.

И оба, Фогт и Ленин, в 1870-ом году и, по-моему, даже в одном и том же месяце родились.

Фогт и физически был очень похож на Ленина: столь же лыс, такая же борода козлиная... И взгляд очень схожий. И говорил, когда доклады докладывал, очень похоже.

Вот попадают же на свете такие двойники.

Фогт был очень талантливый невропатолог и, главное, анатом больших полушарий головного мозга; он разработал методику изучения архитектурных – как клеточных, так и нейронных – полей коры этих полушарий и у животных, и у человека... Широко известный медик... Директор Kaiser Wilhelm Institut¹ мозгового в Берлине!

Еще Фогт был очень крупным энтомологом – специалистом по шмелям, что ему отнюдь и отнюдь не мешало. Теоретически он даже шмелей и большие полушария в некоторых отношениях трактовал одновременно, и одно другое у него подпирало, подтверждало и развивало: изменчивость окраски шмелей и изменчивость границ архитектурных полей Фогт нередко сопоставлял, сравнивал. И рассуждал об этом емко и глубоко.

Уже это показывает: человек был по меньшей мере незаурядный и небезынтересный.

Его коллекция шмелей считалась... ну, ежели не самой большой в мире, то одной из самых крупных. Мировая коллекция!

Вот он и являлся к Кольцову в институт, чтоб делать у нас доклады. И шмелиные, и мозговые.

В моей дальнейшей судьбе Фогт сыграл, конечно, определяющую роль.

Я в Москве никакого интереса к нему долго не проявлял, потому как энтомологией из всей зоологии меньше всего интересовался (хотя и работал уже с дрозофилой, но, чтоб избегать внутренних конфликтов, выделил ее из энтомологии, ибо считал, что дрозофила есть дрозофила, а энтомология – это лишь раздел о насекомых).

(Потом, правда, я уже в другой связи шмелями заинтересовался и божьими коровками среди жуков тоже, – так что немножко расширил свои интересы в пределах энтомологии.)

Однако в 1925 году Фогт вдруг попросил Кольцова и Семашко порекомендовать ему русского генетика, по возможности молодого, но все-таки сформировавшегося.

Он собирался у себя в Kaiser Wilhelm Institut'e организовать лабораторию, а по-

¹ Институт, которым руководил Оскар Фогт, назывался Institut für Hirnforschung der Kaiser Wilhelm Gesellschaft für Förderung der Wissenschaften – Институт исследования мозга Общества содействия наукам имени кайзера Вильгельма.

том, может быть, и целый отдел генетический, так как по-настоящему интересовался генетическими проблемами, связанными с мозгами всяческими, с высшей нервной деятельностью.

К тому же Фогт хотел к изменчивости (разумеется, в особенности к географической изменчивости шмелей) как-то подойти и с современной генетической точки зрения.

А в Германии подходящего генетика в то время не было.

В 24–25 годах молодых генетиков вообще не было (несколько человек подросли, сформировались на пару-тройку лет позже). А все хоть мало-мальски известные давно пристроились, то есть нашему Фогту в качестве организаторов небольшой лаборатории не подходили².

Естественно, Семашко тоже обратился к Кольцову: он знал, что у того организована генетическая лаборатория, которая прекрасно работает на двух биологических станциях (я уже рассказывал о них).

И Николай Константинович почему-то выбрал меня.

Почему?

Наверное, потому, что из своего поколения я тогда был, пожалуй, наиболее самостоятельный молодой человек.

У меня было уже пять работок – четыре небольших и одна большая, напечатанные или находившиеся в печати. Затем я вполне прилично знал иностранные языки, немецкий и французский (немецкий – совсем хорошо).

По-моему, вот это (ничего больше) и заставило рекомендовать меня в качестве русского сотрудника для фогтовского института в Берлине.

Сперва я сопротивлялся.

Мы с Лелькой жили мирно, но – довольно подвижно, по Москве с окрестностями мотались в гидробиологических экспедициях, работали с дрозофилой, рожали (ну, преимущественно жена моя, конечно) сына старшего, названного Дмитрием, хотя прозванного почему-то – я уж не помню, почему – Фомкой³.

(Так он до самой смерти Фомкой и оставался: погиб в мае 45-го в нацистском лагере⁴ в Германии. Я обо всем этом еще упомяну.)

Честное слово, нам неохота было ехать в Европу.

Елене Александровне моей – ну, просто совсем; по-видимому – из-за консерватизма, но в основном, конечно, потому, что она уж очень была довольна нашей тогдашней жизнью. А мне – потому, что я за границу знал с детства: с родителями по заграницам этим таскался каждый год в качестве старшего для своего поколения, по всей Европе поездил, все достопримечательности европейские, средиземноморские и т. д. изучил. И меня не тянуло на басурман как таковых. Бог с ними!

Кроме того, у меня тут начинались все разрастающиеся экспериментальные дела.

Увлёкся я возможностью, как вы уже знаете, воссоединения классического эволюционного учения с современной генетикой, а затем с биогеографией, с биоценологией... Всякие такие идеи бродили.

Мне резонно казалось (я по сю пору в этом уверен), что для развития этих дисциплин лучшего и наиболее подходящего места, чем наше обширное Отечество, нету на свете. Да и люди тогда у нас были чрезвычайно интересные.

Так что меня тоже не тянуло за границу.

Но меня уломали Кольцов и Семашко главным образом тем аргументом, что до революции (да и теперь, когда начала налаживаться какая-никакая связь русской науки с заграницей) русские обыкновенно ездили учиться чему-нибудь за границу, – меня же приглашают не учиться, а учить немцев! Это случай такой выдающийся!

Решено было ехать.

Ну, тут, конечно, не обошлось и без некоторых таких комических штук. Так, Фогт предложил оплатить наш переезд в Германию. Я же был настроен барствено и отказался. (Эта барственность, особенно финансовая, во мне сохраняется по сей день: даже когда у меня уже денег и нет никаких, израсходовались все, я все же стараюсь жить барствено.)

² В те годы в Германии работали крупные генетики, например Э. Баур и Р. Гольдшмидт со своими школами. (В других рассказах Н. В. в качестве причин «импорта» русского генетика фигурировали сложный характер О. Фогта и его нелады с генетиками в Германии.)

³ Дмитрий Тимофеев-Ресовский родился 11 сентября 1923 г. Прозвище Фомка возникло по юмористической фольклорной песне о двух незадачливых чудаках Фоме и Ереме, которую любил петь Н. В.

⁴ Фома (Дмитрий) Тимофеев-Ресовский был арестован гестапо 30 июня 1943 г., 10 августа 1944 г. отправлен в концентрационный лагерь Маутхаузен. Новые сведения о нем появились уже после смерти его родителей и выхода в свет повести Д. А. Гранина «Зубр» в «Новом мире» в 1987 г. Они вошли в книжное переиздание «Зубра» и в третью часть киноочерка Е. С. Саканян «Герои и предатели» (1991). Согласно самым последним сведениям, полученным Андреем Николаевичем Тимофеевым в ответ на свой запрос в Международную службу розыска при Красном Кресте, Дмитрий Тимофеев-Ресовский умер 1 мая 1945 г. в Эбензее округа Гмунден (лагерный пункт Маутхаузена). Документ, удостоверяющий смерть Фомы, датирован 11 декабря 1996 г., прислан из Бюро регистрации актов гражданского состояния г. Арользене (Германия).

Действительно, с какой стати немцы мне будут дорогу оплачивать?! Я сам с усам! На черта они мне нужны! Раз я переезжаю туда работать, то жалованьишко они мне будут там платить, а не тут. Так?

Фогт также предложил: он кого-то из своих сотрудников помоложе настропалит подыскать нам поначалу меблированную квартирку и т. д. От этого я тоже отказался, гордо заявив, что и в Берлине, и в других столичных городах у нас с Еленой Александровной есть достаточно знакомых, приятелей, даже родственников, которые нам все это оборудуют.

То есть снисходительно (правда, с благодарностью) я отказался от всяких басурманских помочей.

И это потом нам в копеечку влетело...

Чтоб барственно переехать всем (хотя и маленьким) семейством в Берлин, нужно было для начала одеться и обуться. У жены еще нашлись какие-то перешитые старые платья ее старших сестер, матери; у меня же к тому времени оказались, по моему, только бывшие когда-то синими казацкие полугалифе да так называемые танки.

Это когда-то в гражданскую отбил я у белых пару аглицких военных сапог. То есть не сапогов в нашем истинном смысле слова, а до самого колена высоких таких башмаков, шнурующихся, но без разреза, а со складкой, – поэтому (хотя они и шнуrowались) можно было в них, как в сапогах, по воде ходить: вода и грязь не пролезали внутрь. Вот они и назывались «танки».

Танки тогда только появились в свете. И вот в честь сего мощного оружия и эти башмаки, которыми человека, наверное, запросто можно было убить, взявши такой сапог в руку и шарахнув по башке, назывались тоже танками. А я их еще оборудовал железными подковками, потому как надеялся, что они мне аж до самой смерти прослужат. К тому же тверской совхозный сапожник мне даже не железными, а стальными гвоздями подошвы оббил.

А чистить свои танки я в Москве доставал касторку. В голод на ней мы жарили картошку, ибо, как известно, в пережаренном виде она, касторка, теряет свои медицинские свойства, становясь великолепным жиром: пожарили картошку – и по тем временам только за ушами хрустит!..

Да, были у меня еще довольно приличные остатки гимнастерки защитной. А остальное все – самодельное, послереволюционное. Так, из какой-то старой, отношенной Лелькиной юбки мне штанцы сшили, именно штанцы. Ибо чего же еще могло из этого получиться?!

Юбка была так называемая посконная; посконная ткань – это ведь замечательная ткань, холстина деревенская в полоску; вот у меня и были такие посконные порты. Еще – штанцы совершенно неправдоподобные, невесть из чего и когда сделанные. И несколько русских рубах.

Я так бегал все лето. И где-то у меня есть, должна быть фотография с годовичного возраста сыном Фомкой: я на корточках, обросший бородой, на Звенигородской станции вот в этих посконных портах и рубахе...

Ну, как?..

Я уже говорил, что мы на станцию уезжали в половине мая и возвращались в начале октября: значит, всю эту сравнительно теплую половину года я проводил честно босиком, потому как на вольном воздухе вне пределов Москвы и научных институтов ни к чему было обуваться – одно разорение!

А зимой оказались совсем не бесполезны такие божьи старушки, «божьи одуванчики». Им ведь жрать тоже нужно было, и они для этого выдумали себе ремесло: из всяких обрезков – как бумажных (бумажных в смысле материи, а не бумаги писчей), так и шерстяных – сшивали длинные узенькие ленточки, из которых плели лапотки. На подошву тогда можно было найти на Смоленском рынке, например, моток шпагата.

И из веревок плели опять-таки подметки – и получались такие лапти на веревочных подметках. Совершенно замечательная обувь: удобная, она как будто располза-



Оскар Фогт

лась по ноге. Даже незачем было точно подбирать величину. А ноги – не мерзли. (Я вообще как-то не мерз особенно, уже обмороженный в Гражданскую войну: все, что обморозиться могло, обморозилось – и пообвык.)

Но ехать примерно в таком виде за границу, сами понимаете, нельзя было. По достоверным сведениям, у нас уже имевшимся, там, за границей, люди жили так, как жили и мы до всяких революций и гражданских войн. То есть интеллигенция – интеллигентно, одеваясь в интеллигентную одежду – в брючки всякие, штучки, пинжачки и проч. Так возник вопрос.

Лельке было проще, потому как ей были пошиты – опять-таки из каких-то старых платьев старших сестер, мамы и двух теток – даже так называемые парадные одежды (это все потом, конечно, оказалось не по моде и чрезвычайно смешно выглядело). А мне-то хоть что-нибудь надо было!

Сначала жена моя приобрела для меня на том же Смоленском рынке серые рубашки с отложным воротничком, а также галстук, сплетенный невесть из чего (ужасная штука!). Затем куплены были аж двое мужских трусов за непомерно большую деньги – опять на Смоленском. И в конце концов был найден портной, который согласился из какого-то громадного старого плаща одного Лелькиного дядюшки пошить, сотворить мне костюм-тройку.

Этот портной все точно промерил: ежели немножко куда-то что-то из другого места подставить, то получались как раз пинжак, брюки и жилетка, – что тоже за чрезвычайно приличную сумму и было сделано. Правда, очень быстро, еще по дороге в Германию, оказалось, что матерьял совершенно непригоден для «укустумчиков»: растягивается – и сколь его, несчастного, ни гладь, все равно получается нехорошо. Такие шары на локтях и коленях!

Но это черт с ними. Главное – настоящие брюки и пинжак уже были!

У нас дома к тому времени обширное наше семейство съело все, что было: никаких тебе ни шляп, ни шапок, ни даже обуви не осталось! Зато, как ни удивительно, сохранились, пережили революцию парадный (летний, к сожалению, а не зимний) студенческий мундирный китель (белый с золотыми пуговицами, со стоячим воротничком), парадные черные полугалифе, хромовые офицерского типа сапоги и ко всему этому шпага. То есть я, конечно, мог вырядиться совершенно парадно.

Только разве это имело право стать одеждой для мужика 20-х годов XX столетия?!

Еще купили мне какие-то полуботинки на шнурках (я очень опасался, что по дороге шнурки эти лопнут, и на том же Смоленском приобретены были дополнительно две пары таких шнурков, которые, по-моему, вовсе не понадобились).

В общем, мы снаряжались. И естественно залезали в долги: что-то полтыщи рублей задолжали.

Задолжали мы, разумеется, Кольцовым. Ибо больше не у кого было должать: у нас все приятели и родственники были нищие. А у Кольцовых какая-никакая денга тогда водилась.

Ну, потом мы, конечно, расплачивались: Кольцовы нам писали, что им нужно, а мы из-за границы присылали (когда хоть малость обжились)...

Наконец мы приобрели билеты до Берлина. И за несколько дней до отъезда были приглашены к Кольцовым, где нам всякие напутствия так или иначе прозвучали.

Между прочим, все наши начальники – и Кольцовы Николай Константинович с Марией Полиевктовной, и Семашко Николай Александрович – нам сказали: «Нечего крохоборствовать! Поезжайте мягким классом».

Там не было первого класса, второго и третьего, а были мягкий и жесткий. Так вот: «...Поезжайте мягким классом. И берите три билета. Тогда в купе останется одно пустое верхнее место. Сговоритесь с проводником, чтоб никого не пускали... Может, вас еще встречать будут из фогтовского института. Так что приезжайте как следует, не роняйте нашего социалистического достоинства».

Вот мы, не роняя «нашего сицилистического достоинства», и ехали.

В Риге у нас была пересадка: латыши уже сделали себе европейскую узкую колею. То есть стали уже европейцами.



Дмитрий (Фома)
Тимофеев-Ресовский

И в Риге у нас был целый свободный день... Мы погуляли, с большим удовольствием поели мороженого, еще купили каких-то шоколадок, конфет и всяких прочих вещей, которые у нас практически не встречались. Затем попили с величайшим удовольствием в кафе кофею со взбитыми сливками и с какими-то необыкновенно вкусными пирожными... Ну, шик и блеск!

Сели как раз в обеденное время (за границей обедают поздно) в поезд, который и повез нас в Европу. В вагон-ресторан пошли. Пообедали.

У меня еще не пузырились коленки и была выглажена еще такая изящная тройка, а Лельку еще не уродовало какое-то платье продольно-полосатое. Ничего! Конечно, посматривали некоторые европейцы немножко, но европейцы – вежливые, они очень вежливо смотрели.

И Фомка не очень безобразничал, даже вовсе не безобразничал. На него, похоже, эта Европа тоже подействовала: притих. Хотя вообще был тогда буен невероятно.

Хорошо, славно доехали мы до Берлина.

А там с нами сразу приключилась неприятность. Это я, увы, вдруг начисто позабыл с прежних времен, с гимназических, что в Берлине с востока на запад протянулись пять вокзалов такой цепочкой, даже цепью. Нам нужно было на предпоследнем, западном вокзале Zoo вылезать. Но главным вокзалом считается Фридрихштрассе (средний вокзал). И мы почему-то решили вылезть именно на главном вокзале.

Нас действительно встречали. Ну, во-первых, Лелькин отдаленный свойственник Феррейн, у которого мы должны были остановиться на первое время – до подыскания квартиры собственной (это потомки знаменитой московской аптеки Феррейна, очень милые люди, большие наши друзья). А еще кто-то (уж не помню, кто) из моих старых друзей и два молодых человека из фогтовского института. И все они приехали естественно на Bahnhofzoo, откуда было рукой подать до всех западных частей Берлина, где мы и должны были проживать.

Вылезли мы на Фридрих-штрассе – никто нас не ждет. Взяли носильщика. И пошли сперва пожрать. Решили: что будет дальше с нами, еще неизвестно, а деньга покамест у нас еще есть – поедим в ресторации хорошей пищи.

Отобедали – и теперь решили по адресу Феррейнов ехать к ним.

Выходим из вокзала: вокруг – только таксишки. А у нас-то представление: на авто одни миллионеры ездят, нам не по карману! И стал я искать извозчика.

И нашел: сбоку у вокзала стояло около дюжины. Одного из них, тоже с таксометром таким, я нанял. И острашенно обрадовался. Ибо не знал, что уже несколько лет в Берлине оставались лишь считанные извозчики, которые в основном знатных иностранцев, интуристов по-нашему, возили по Тиргартену да по Унтер-ден-Линден гулять.

А «отседова – доседова» на извозчиках уже никто не ездил. Это было страшно дорого: раза в три дороже, чем на таксишках. И раз в десять дольше ехать, потому как Берлин очень просторный город огромной площади.

Но мы взгромоздились на этого извозчика очень удобно. И так как я бегло говорил по-немецки, он очень обрадовался, а когда узнал, что мы русские, обрадовался еще больше.

«Вы прямо из Москвы, из советской Москвы? И живы-здоровы?»

«Да, – говорю, – ничего, живы. Черта нам сделается! На то мы и русские».

«Ну, замечательно! Раньше у нас русские самые выгодные были иностранцы. Потом не было русских у нас совсем. А вот теперь, оказывается, появляются».

Всю дорогу мы так трепались. А ехали до Феррейна цельный час.

Наконец – приехали. И возбудили всеобщий смех, когда возле дома в Западном Берлине остановился извозчик на живой лошади и в цилиндре, извозщичий кнут у него воткнут, все чин-чином.



Тимофеев-Ресовский с сыном Дмитрием. 1924 год

А затем начались, конечно, всякие страсти-мордасти.

Ну, во-первых, не по дням, а по часам, по минуткам образовывались мешки на коленках и локтях моего «укостюмчика». Да, подтвердилось, что это был действительно очень хороший дорогой материал. Но – только для плаща. Плотный, немецкий как раз.

Мне срочно нужно было заводить другой костюм. А денежки-то у нас уже того... кончатся начали. Хотя молодым обычно все нипочем.

Тут же выяснилось, что галстук, приобретенный на Смоленском рынке, абсолютно не соответствует никакому мало-мальски приличному окружению. А серые мои рубашкигодились мне лишь тогда, когда мы в Бух перебрались: там летом я в них и безо всяких галстуков босиком хаживал, вводя в моду, так сказать, жить привольно, – для чего, однако, еще надо было дожить. (Вся эта наша «жисть-жестянка», хотите не хотите, обязательно делится на разноцветные полосы.)

Через два дня после нас в фогтовский институт заявили два знатных американца – какой-то анатом знаменитый и крупный миллионер, его приятель.

Я как раз был там. И меня, разумеется, там демонстрировали (в качестве зулуса, что ли?): вот русский, совершенно живой, настоящий, из советской Москвы!

Американцам я, по-моему, просто страшно понравился: действительно живой, вполне здоровый, даже сильный. Еще бы! «Как тресну по башке – дух вон и лапки кверху!»

На вечер эти два американца, очень знаменитые и очень богатые, пригласили весь научный состав института в самый шикарный берлинский ресторан «Эспланада».

И тут снова произошла у меня неприятность.

Этот мой «укостюмчик» был уже с пузырями. Плюс Лелька приобрела для меня какую-то из черт знает чего сделанную белую рубашку с накладной, вставной грудью (ну, для дешевизны!), пристяжные мягкие отложные воротнички (аж две штуки купила!) и галстук (за него она заплатила семьдесят пять пфеннигов: потом я выяснил рассмотрением улошных витрин магазинных, что это самые дешевые галстуки, которые существовали тогда в берлинской природе!). Достаточно?

Под вечер я был обряжен в простыню: Феррейны отнесли «укостюмчик» в американскую гладильню-чистку. И через какой-то час принесли обратно все-таки в довольно приличном виде, свежеразутюженным.

Еще Лелька (ох!) какие-то такие запонки дешевые купила, что они не закрывались, не держали воротничок и манжеты: воротничок и манжеты белыми ниточками одна из сестер Феррейна на мне пришила. А у своего братца нашли они и запонки для меня. Да и сбегали все-таки, чтоб какой-то приличный галстук купить.

Башмаки же у меня были просто новые, московские; я их лишь надраил заграничным кремом.

Одним словом – отправился. А Лелька отказалась, хотя тоже была приглашена (наотрез: «Не пойду!»). Ну, она не только хуже меня тогда на языках говорила, но и уж чрезмерно стеснялась.

Так вот, пришел в «Эспланаду». Долго искал (совершенно отвык от хороших ресторанов, от всяких таких мест) зал отдельный, но язык и до Киева всегда доведет. Спрашиваю: где тут американцы обед дают?

В конце концов подвели меня к закрытым дверям, пред которыми полдюжины или десяток джентльменов во фраках стоят и о чем-то беседуют. Я решил, что это ихние гости, стал за руку здороваться. А это оказались официанты.

Перездоровался. Они, конечно, острашенно удивлялись. Но когда узнали, что я только что прибыл из Москвы, все мгновенно обрадовались: «А!.. Ви есть большевик?!»

Я: «Да-да-да! Именно из этих самых, которые... большевики. Человек еще темный, дикий...»

Вдосталь пообщались. Наконец: «Что ж! Проходите, раз Вас пригласили».

Вошел. Американцы очень обрадовались. Ибо Фогт почти не говорил по-английски, а только по-французски; американцы же никаких языков не знали кроме аглицкого.

Меня посадили меж двух неких дам молоденьких и приятных, которые были, как я быстренько сообразил, дамами американцев. Наверное, для поддержания аглицкого разговору.

Мы втроем не столько обедали, сколько трепались. Разумеется – в основном о многообещающей Советской России. Это была, помнится, очень модная тема.

И на ней, на этой теме, и зиждилось все мое первое заграничное происшествие.

А второе происшествие было связано только с одежей. Хотя тоже затейливое.

Начну с того, что из последних денег (или все-таки из первых уже немецких денег?) Лелька вдруг приобрела для меня новый костюм.

Вообще-то в Германии одежда была недорогая: самые дорогие готовые мужские костюмы стоили, кажется, сто пять марок (потом, ставши богатым и ездя по заграницам, я покупал себе только стопятимарковый костюм). Но и тогда мне был куплен вполне хороший костюм, не самый дорогой и не самый модный, за восемьдесят или восемьдесят пять марок. Долгое время любимый костюм!

Уже скоро одет я был весьма прилично: и белишко мне прикупили, и полужесткие воротнички (тогда появились такие воротнички, которые не мнутся), и несколько пар настоящих запонков, и даже башмаки системы «саламандер».

Причем опять-таки башмаки самые дешевые и вполне приличные стоили всего четыре марки с полтиной (два двадцать, значит, на русский язык), а самые дорогие готовые – шашнадцать с полтиной. Дешевка!

Мне с самого начала было велено покупать себе, например, только дорогие башмаки, что было и выгоднее, и приличнее. Я быстро убедился в правильности английской поговорки: «Мы не так богаты, чтоб покупать дешевку». И дома в Германии нас постепенно окружали хорошие вещи. У меня появилось сперва летнее пальто, а к зиме – осеннее, драповое (шуба мной везде и всегда пренебрегалась).

Все это сопровождало и украшало жизнь, однако не составляло, не могло составлять ее.

В один распрекрасный день вдруг оказалось: мне в качестве нового научного сотрудника Kaiser Wilhelm Institut'a необходимо явиться с визитом в Kaiser Wilhelm Gesellschaft – в президиум, чтоб представиться президенту – знаменитейшему старцу фон Харнаку, классику.

По профессии он был эллинист, то есть эллинской культурой занимался (ну, древние греки и проч.)... Основатель Kaiser Wilhelm Gesellschaft!

Для этого визита полагалась визитка.

Нонешний тутошний народ, наверное, никогда не только не видал ее, но и не слышал о ней... А это вроде пальто. Только покороче немного. Черное с шелковыми отворотами.

Визитка также бывает цвета маренго (того цвета, какого был мундир Наполеона в битве при Маренго) – темно-серого цвета. Это шик особый.

У меня же никакой визитки и в помыслах не было, а мне был назначен день и час приема. Хорошие – не продавались готовыми, заказывать – поздно. Но выручил немецкий гистолог и гистопатолог Бельшовский, который заведовал гистопатологическим отделом в фогтовском институте.

Фогт однажды призвал меня к себе в кабинет. И внезапно обратился примерно так: «Вам вот надо представляться президенту. Конечно, Вы можете пойти в пиджаке: Вы – иностранец. Но полагается – в визитке. А она – вещь дорогая, сразу ее не сошьешь, а покупные все – дрянь... У Бельшовского есть практически ненадеванная. Ей пятнадцать лет. Тогда у него не было брюшка. Как раз на Вас... (А по росту мы с ним были одинаковые, с Бельшовским.) Он очень просит Вас принять эту визитку на такие случаи. Вам она тут, за границей, может, еще в жизни раз пять понадобится. А у него другая есть».

И это оказалась визитка цвета маренго, самая дорогая, самая шикарная.

В общем, по всей форме они меня нарядили. И в таком вот поистине замечательном образцовом парадном виде и явился я к Харнаку.

А старик оказался совершенная душка! И заговорил со мной сразу по-русски. Поведал мне, что он родом из балтийских немцев, кончил университет в Юрьеве (это Тарту по-таперешнему, по-немецки – Дерпт).

Так что вместо положенных десяти минут аудиенции я у него просидел аж целый час.

Он меня угощал, конечно, кофеем, как это за границей положено. Пили мы – и трепались по-русски. Обо всем.

Он говорил: «Я бы не пережил... Вы же, как я вижу, хорошо пережили эту свою революцию».

Я отвечал: «Ничего. Более или менее здоров. И понимаю, что к чему. Так можно пережить и две революции».



Институт мозга в
Берлин-Бухе. 1937 год

(Тогда-то я не знал, что революцию пережить – это обычно каждый дурак сможет, а вот пережить сталинизм – это куда как труднее.)

Старец очень обрадовался, когда понял, что я интересовался всерьез античной философией. Да и не только всякими там Платонами и Сократами – древними идеалистами, но и Плотинем, а это уже наша эра, как будто третий век... Так что мы еще о философах поболтали.

Наконец он сказал: «Ваш институт фогтовский будет скоро строить себе новое помещение в Бухе, большое, хорошее. Если я доживу, то, как только оно откроется, я туда приеду. Мы с Вами еще повидаемся».

Ему уж годов 80, по-моему, было. А помер он, кажется, лет в 85. И успел, успел побывать в Бухе: там мы с ним завтракали и опять вперемешку с немецким по-русски говорили...

Но, как говорится, бог любит троицу, то есть для такой обстановки нужны обязательно три существенных события.

Так вот, третье началось с того, что мы поселились в меблированной квартире в Штеглице – южном предместье Берлина. Зеленая такая местность. Красотища.

Впрочем, весь город был очень зеленый. В каждом районе свой Stadtpark – городской парк, обыкновенно большой, типично немецкий, аккуратный, который каждый день подметался, все соринки убирались специальными сторожами, а кажегод красились наново скамейки в зеленый цвет. Причем – ну, абсолютно по-немецки! – зеленая скамейка стоит, а на ней белой краской выведено: «Sitzbank» (скамейка для сидения). Чтоб, значит, вдруг не перепутали, например, с комодом.

В Штеглице, как во всяком районе Берлина, был свой маленький базарчик или рынок.

А в послеобеденное время, часиков с пяти, начинался, по-советски выражаясь, «парк культуры и отдыха». Это всяческие шатры и шатровые домики, где были различные эстрадошки, танцы, какая-нибудь музыка, еще что-нибудь, небольшие выставки и, конечно, Sportbude – такой небольшой цирк, в котором борьба и бокс происходили, разумеется – профессионально.

И вот повадился я в нашу штеглицевскую Sportbude хаживать.

Для этого мне оказалось чрезвычайно выгодным Лелькино незнание и незаинтересованность в коммуникациях.

От нашего дома совершенно по прямой до института был трамвай. Я же от Феррейнов ездил на двух трамваях. И вследствие этого получал и теперь от Лельки по ейной серости на два билета.

Но я бегмя бежал по этим большим улицам, добегая бегмя даже быстрее, чем на трамвае. И сэкономил тридцать пфеннигов. А Лелька мне выдавала каждый день шестьдесят пфеннигов. Представляете?!

В Sportbude тур стоил гривенник, и я на шесть туров зарабатывал каждый рабочий день собственными ногами (жена моя тогда почти не присутствовала в институте, занимаясь домашними делами всякими).

Продолжалось это более полугода.

Но сначала в один распрекрасный вечер мне был торжественно выдан билет печатный, по которому я всю свою остатнюю жизнь мог в качестве почетного гостя даром смотреть борьбу и бокс, сидючи в почетном первом ряду.

А затем меня разоблачили.

Те же самые наши друзья Феррейны сказали Лельке: «Ну, сколько ты, дура, каждый день ему на трамвай даешь?! Пятнадцать пфеннигов туда, пятнадцать – обратно!.. Но, кроме того, в Берлине продаются месячные, полугодовые и годовые билеты на определенный трамвай, на все трамваи вместе, на трамваи с пересадкой на автобусы, на автобусы с пересадкой на трамваи и т. д. Следовательно, ежели взять годичный билет на все виды городского транспорта (метро, автобусы, трамваи), то обойдется это тебе примерно в два раза дешевле того, что ты сейчас на трамвай даешь».

Так и было сделано: мне тотчас годичный билет трамвайный купили. Прямой.

Но мне всегда в жизни везло. Борцы и боксеры вдруг сами преподнесли почетный билет бесплатный! Ведь надо же, а?!

Вот это и была третья замечательная вещь после нашего переезда в Германию.

Я потом уже ездил на транвае: зачем оголтелым-то бегать?! Иногда даже иностранные люди дивовались: что этот человек бежит? Будто бы интеллигентный, а бежит как оголтелый... Редкий случай...

Там, в Берлине, очень удобный был транспорт. Никогда таких петрушек, как в Москве! Я ни разу даже не видал его переполненным.

С этим я познакомился, только вернувшись в обширное наше Отечество, где, как оказалось, не транспорт для людей, а люди для транспорта. И торговля не для людей, а люди для торговли (чтоб, значит, процветала наша советская торговля). И электричество не для людей, а люди для электричества... Перечислять можно бесконечно.

А там все для людей было сделано. Так, в часы пик и трамваи, и автобусы «бисы» ходили: пройдет номер – и через минуту «бис» идет. Ежели сидячих мест нету, то кондуктор обязательно высовывал морду и оповещал: «Через минуту будет “бис”».

А чтоб у нас!.. Как сельди в бочку напиханы!.. Я поэтому в Москве даже в метро два раза только был. Один раз от Большого театра меня довели до родного Смоленского рынка (две остановки). И другой раз от «Славянского базара» (ресторан) после защиты какой-то диссертации – на Киевский вокзал (три, по-моему, остановки). Это когда такшишка была заказана, но она не явилась, а у нас последняя электричка отбывала... Так-то вот.

В Москве я ни разу ни на одном автобусе не ездил. Зато с удовольствием однажды проехался на трамвае. Это все-таки цивилизованный способ передвижения.

Он, трамвай, всегда по рельсам катится, а не тыркается куда угодно как автобус, мешая движению.

Троллейбус же – это вообще черт знает что! Привязан к проводам, но все-таки может разъезжать вправо-влево. Совершенно идиотская вещь.

Трамвайчик катится себе по рельсам и катится. Дребезжит. Слышно – едет...

НАУКА. ОБЩЕСТВО. ЧЕЛОВЕК: Вестник Уральского отделения РАН. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. № 3 (25).

Вестник Уральского отделения РАН – издание, в котором освещаются наиболее значимые итоги научных исследований сотрудников институтов Отделения, обсуждаются глобальные проблемы и задачи, на решение которых необходимо мобилизовать интеллектуальный потенциал уральских ученых.

В издании представлены материалы о научных направлениях и достижениях институтов УрО РАН, как фундаментальных, так и прикладных. Ряд статей посвящен памяти выдающихся ученых, внесших неоценимый вклад в развитие науки, а также первым успешным шагам молодых исследователей. Содержится информация о важнейших научных разработках и планах, юбилейных датах, новых, вышедших в свет книгах.

Вестник ставит своей целью обеспечение научной общественности информацией о деятельности ученых Отделения, новых направлениях исследований, о людях, работающих в науке, о том, какие задачи они решают сегодня.

Адресован научным сотрудникам, студентам вузов и всем, кто интересуется актуальными проблемами и состоянием современной науки.

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на вестник Уральского отделения РАН «Наука. Общество. Человек» на первое полугодие 2009 года.

Подписаться можно в любом отделении связи России (каталог Агентства Роспечать «Издание органов научно-технической информации»). Подписной индекс 66002.

Подписку также можно оформить в Агентстве «Урал-пресс»: г. Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 130, тел.: 262-64-73, 262-61-35. Индекс для индивидуальных подписчиков 01400, для предприятий и организации 01401.

Научно-информационное издание

Наука. Общество. Человек

Вестник Уральского отделения РАН. 2008. № 3 (25)

Рекомендовано к изданию Президиумом УрО РАН

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации. Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Наука. Общество. Человек» обязательна.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-27930
от 6 апреля 2007 г.

Подписано в печать 31.10.08. Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 22,87. Тираж 950. Заказ 815.

Издательский дом «Автограф»

620026, г. Екатеринбург, ул. К. Маркса, 66, тел. 222-05-45, e-mail: izdat@e1.ru

Типография «Си Ти принт»

620086, г. Екатеринбург, ул. Посадская, 16а.